

УДК 81'373, 811.512.153

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-36-45>

Применение теории поля для описания водно-ландшафтной лексики хакасского языка

Екатерина Асимовна Фархади

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
kate.galp@mail.ru*

Аннотация

Природа и особенно водные ресурсы играют огромную роль в жизни коренных народов, добывающих свое пропитание и проживающих в естественных условиях. Вода является неотъемлемой частью культуры и традиций хакасского народа, и наименования разных видов гидроландшафта хозяйственного и культового значения передаются из поколения в поколение. Рассматривается использование теории полевой структуры для анализа водно-ландшафтной лексики в хакасском языке. Обсуждаются основные принципы теорий о полевой структуре, такие как положения о ядре и периферии поля. Также изучается опыт использования теории грамматических и лексических полей в работах Е. В. Гулыга, А. В. Бондарко и лексической типологии В. Ю. Апресян и Е. В. Рахилиной. Основной акцент делается на анализ гидроландшафтной лексики, которая относится к важному слою лексики любого языка. Исследование проводится на материале хакасского языка и включает в себя анализ лексем, обозначающих водные объекты, встречающиеся в четырех электронных и печатных словарях и в «Указателе типических мест героического эпоса народов Сибири». Кроме того, исследуется происхождение и использование различных лексем для обозначения рек (например *суз*, *ус/ўус*, *талай*) в хакасском языке. Анализ языкового материала позволил построить лексико-семантическое поле гидроландшафтной лексики хакасского языка. В ядре – архилексема *суз* со значением 'вода, река'. Околядерная зона состоит из простых слов, обозначающих постоянные типичные водные объекты (*талай* 'большая река', *көл* 'озеро' и др.). К ближней периферии относятся сложные и составные лексические единицы, которые выражают значение «постоянные водные объекты» (*ылбаң сас* 'трясина', *ылбаң чир* 'топкое место, трясина, болото' и др.). Дальнюю периферию составляют лексемы – временные водные объекты, в том числе созданные человеком (*салбых* 'лужа, лужица', *аргацах* 'канавка, небольшая протока' и др.). Результаты исследования позволяют лучше понять структуру и взаимосвязи между лексическими единицами водно-ландшафтной тематики и применить полученные знания для дальнейших лексикологических исследований.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, ядро, околядерная зона, ближняя и дальняя периферия, хакасский язык, водно-ландшафтная лексика

Для цитирования: Фархади Е. А. Применение теории поля для описания водно-ландшафтной лексики хакасского языка // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 6 (236). С. 36–45. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-36-45>

The application of field theory to describe water-landscape vocabulary in the Khakas language

Ekaterina A. Farkhadi

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, kate.galp@mail.ru

Abstract

Nature, and especially water resources, play a huge role in the lives of indigenous peoples who rely on natural environments for their sustenance. Water is an integral part of the culture and traditions of the Khakas people, and the names of various types of water, defining their purpose, are passed down from generation to generation. This article explores the use of field structure theory to analyze the lexical group of water-landscape terms in the Khakas language. The main principles of field structure theories are discussed, such as the core and periphery positions in the field. The article also examines the experience of using the theory of grammatical and lexical fields in the works of E.V. Gulyga, A.V. Bondarko, lexical typology of V.Yu. Apresyan and E.V. Rakhilina. The main focus is on the analysis of hydro-landscape vocabulary, which belongs to an important layer of vocabulary in any language. The study is conducted on the material of the Khakass language and includes an analysis of lexemes denoting water

bodies found in electronic and printed dictionaries and in Khakass heroic epics “Ay-khuuchin” and “Altyn Aryg”. The study also examines the origin and use of various lexemes to denote rivers (such as sug, us / uus, talay) in the Khakass language. The analysis of linguistic material allowed to construct the lexical-semantic field of hydro-landscape vocabulary of the Khakass language. At the core is the archilexeme sug meaning ‘water, river’. The near-core zone consists of simple words denoting constant typical water bodies (talay ‘large river’, köl ‘lake’, etc.). The near periphery includes complex and compound lexical units expressing the meaning of “permanent water bodies” (ylbañ sas ‘swamp’, ylbañ chir ‘marshy place, swamp’, etc.). The far periphery is composed of lexemes denoting temporary water bodies, including those created by humans (salbykh ‘puddle’, argāžakh ‘ditch, small channel’, etc.). The results of the study help to better understand the structure and relationships between lexical units of water-landscape theme and apply the acquired knowledge for further lexicological research.

Keywords: lexical-semantic field, core, near-core zone, near and distant periphery, Khakas language, water-landscape vocabulary

For citation: Farkhadi E. A. Primeneniye teorii polya dlya opisaniya vodno-landshaftnoy leksiki khakasskogo yazyka [The application of field theory to describe water-landscape vocabulary in the Khakas language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 6 (236), pp. 36–45 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-6-36-45>

Введение

Принятие теории полевой структуры для описания лексики, грамматических категорий, лексико-грамматических категорий, семантических категорий позволяет решать проблемы внешних и внутренних границ для членов одного класса и принимать во внимание взаимоотношения и взаимодействие между членами разных классов. Использование положений теории поля позволяет рассматривать совокупность слов или любых других элементов как структуру с ядром и периферией и допускает плавный переход слов или элементов от ядра к ближней периферии, от ближней периферии к дальней периферии, от периферии одного поля к периферии другого поля. Прежде чем перейти к описанию лексического поля водно-ландшафтной лексики, следует обратиться к исследованиям уже существующих теоретических положений на материале различных категорий и языков.

В статье обсуждается опыт использования теорий о грамматико-лексических полях Е. В. Гулыга, функционально-семантических полях А. В. Бондарко и изысканий по относительно новой дисциплине, которая сейчас бурно развивается, по лексической типологии В. Ю. Апресян и Е. В. Рахилиной.

Материал и методы

Теорию грамматических полей в 60-е гг. XX в. разрабатывали ученые-германисты Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс. В своей книге исследователи рассматривают разноуровневые средства (грамматические, лексико-грамматические и лексические) в их функционировании.

Авторы убеждены, что вопросы изучения теории языка, касающиеся грамматики, не могут быть объективно исследованы без привлечения данных по лексикологии и семантики. При функционировании языка важно как грамматиче-

ское, так и лексическое значение единиц. Лексические средства призваны выполнять назывную функцию слов и, в отличие от грамматической функции, называют явления действительности, конкретизируя ее в той или иной мере. Очень часто лексические средства конкретизируют значения грамматических форм.

«Разнообразные средства грамматического и лексического уровня, призванные выражать и называть общие значения, связаны между собой не случайными отношениями, а отношениями, позволяющими установить определенные закономерности. Совокупность взаимодействующих средств образует систему – Грамматическое ПОЛЕ» [1, с. 8–9].

Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс показывают шесть лексико-грамматических полей, таких как Поле Множественности, Времени, Модальности, Компаративности, Одушевленности/Неодушевленности и Указательное Поле, исследование которых проводилось на материале произведений художественной литературы XX в.

Поле в представлении данной теории может быть представлено в горизонтальном или вертикальном сечении, его структура неоднородна: значения образуют микрополя, внутри микрополя значения могут быть противоположными или полярными, по горизонтали располагаются семантические участки, по вертикали – конституенты микрополей (они составляют макрополе), которые являются набором инвентаря средств разных уровней [1, с. 9–10].

В разрабатываемой А. В. Бондарко модели грамматики предметом анализа являются функционально-семантические поля (ФСП). При построении ФСП важнейшее значение имеет принцип онтологизма, так как основа для исследования – семантические категории, которые являются базовыми понятиями, отражающими объективную действительность в сознании лю-

дей. Это, например, аспектуальность, темпоральность, временная локализованность, модальность, бытийность, локативность и т. д. Семантические категории в каждом конкретном языке всегда находят свои способы выражения: это лексико-грамматические разряды слов, различные типы синтаксических конструкций, лексические средства, сложные комбинации средств разных типов. Таким образом, в концепции А. В. Бондарко «семантические категории с системой разноуровневых средств, служащих для выражения разновидностей и вариантов данной категории в данном языке, – это и есть функционально-семантические поля» [2, с. 31–33].

Понятие ФСП в концепции А. В. Бондарко связано с представлением о пространстве, в котором условно устанавливаются конфигурации центральных и периферийных компонентов поля, где, в свою очередь, выделяются зоны пересечения с другими полями. По структуре ядра ФСП подразделяются на моноцентрические и полицентрические. ФСП моноцентрического типа характеризуются наличием одного целостного или гетерогенного ядра, в то время как ФСП полицентрического типа отличаются разбиением на несколько сфер, каждая из которых имеет свой центр и периферийные компоненты. В своих более поздних работах ученый выделяет ядро ФСП по принципу: если средства выражения данной семантической категории являются прототипическими, то они относятся к центру; если – непрототипическими, то они располагаются на периферии [3, с. 97, 101; 4, с. 11, 34–35, 52, 155; 5, с. 18–22].

Таким образом, основными критериями при построении ФСП в концепции А. В. Бондарко являются семантическое значение, соотносимое с объективной действительностью, и языковые формы, служащие для его выражения.

Несмотря на то, что принято брать за основу грамматическое исследование при изучении языковых значений, в последнее время все больше развивается тенденция разработки лексических систем. Хотя в лексике достаточно сложно прийти к такой же четкой структуре, как в грамматике, однако это возможно благодаря плотному взаимодействию лексики с разными грамматическими структурами и достижениями в области изучения семантических значений.

Первые работы, попытки описания лексики с помощью теории поля встречаются во второй половине XX в. Так, в своей работе Н. М. Минина пытается представить лексику, используя лексико-семантические парадигмы, которые описываются как семантические, семантико-синтаксические, лексико-семантические поля, в качестве матери-

ала рассматриваются глаголы немецкого языка [6, с. 29–34].

Успехов в области лексической типологии в XXI в. добилась Московская лексико-типологическая группа, научный коллектив ученых и студентов НИУ «Высшая школа экономики». Ученые, работающие в области лексической типологии, могут опереться на опыт исследователей семантической теории (Ю. Д. Апресян, Е. В. Падучева, Ч. Филлмор, А. Вежбицкая, Б. Левин, Дж. Тейлор и др.) типологов-грамматистов и на существующие в наше время электронные корпуса текстов по различным языкам (НКРЯ, BNC, COCA и др.) [7]. Кроме того, в том числе и в России, существует давняя традиция контрастивной лексикологии, результаты исследования которой можно найти в работах В. Г. Гака, Е. А. Кибрика, Е. В. Рахилиной. За последние 15–20 лет вышли исследования в русле лексической типологии по описанию глаголов движения в воде [8], глаголов падения, глаголов вращения, опирающихся на материалы не менее 30 языков.

В качестве методологической базы для настоящего исследования принимается во внимание использование теории поля для классификации водно-ландшафтной лексики, а именно идея о том, что у поля может быть выделено ядро и зона ближней и дальней периферии. Теория поля также позволяет рассматривать лексические группы с точки зрения полисегментности, то есть наличия микрополей, которые позволяют наиболее объективно отразить взаимоотношения единиц на лексическом уровне языка.

Источниками для материалов исследования являются тексты из «Указателя типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов)» [9] и четыре словаря: «Хакасский словарь онлайн» [10], «Русско-хакасский школьный словарь» [11], «Хакасско-русский словарь» [12], «Толковый словарь хакасского языка в двух томах» [13, 14].

Таким образом, в настоящее время, когда существует приемлемое описание грамматики не только для больших, но и для малых языков, а также разработаны методы описания лексики языка, как, например, лексическая типология, о которой было написано выше, есть возможность сравнивать разноструктурные языки. А современные технологии позволяют вывести результаты лексикологических исследований на новый уровень, а именно использовать параметры определенных групп лексики для расширения поисковых возможностей корпус-менеджеров при выборе семантических признаков в корпусах текстов.

Результаты исследования

В данной статье рассматривается водно-ландшафтная лексика, которая относится к большому пласту словарного состава языка, а именно к ландшафтной лексике. Она, в свою очередь, принадлежит к одному из важнейших лексических слоев любого языка, так как является частью такой категории, как пространство.

Термин «ландшафтная лексика» может трактоваться как предназначенная «для номинации как природных географических объектов, так и антропогенных, возникших в результате человеческой деятельности» [8, с. 251–261].

В свою очередь ландшафтную лексику можно подразделить на два компонента. В настоящее время общепринятой можно считать категоризацию такой лексики по принципу деления ее на две большие группы: лексика суши и гидро-ландшафтная лексика, которые А. Н. Ракин рассматривает как две самостоятельные макросистемы [4, с. 107; 8, с. 252] или в другой работе Area of Land и Area of Water – две наиболее общие категории [15, с. 6].

Предметом изучения в данном исследовании является водно-ландшафтная лексика, термин «гидроландшафтная лексика» будет использован как синоним. Под водно-ландшафтной лексикой понимается словарный слой языка, который включает в себя наименования водных объектов и прилежащих к ним территорий и относящиеся к водным пространствам как естественным, так и антропогенным. Топонимическая лексика, то есть имена собственные водных объектов, не относится к ландшафтной лексике, однако интерес представляют те гидронимы, в образовании которых участвуют в качестве одного из компонентов водные ландшафтные обозначения.

В хакасском фольклоре, а также в диалектах хакасского языка зафиксировано несколько лексем, которые обозначают реку. В фольклоре слово *талай* обозначает большую реку [8], а в повседневной жизни море [14, с. 182], самое частотное *суз* ‘вода, река’ [14, с. 109], качинское устаревшее слово *ус* ‘река’ [13, с. 362] и вышедшее из употребления кызыльское *јүс* ‘река, вода’ [13, с. 405].

Можно провести сравнение хакасского *јүс* и древнетюркского **ögüz* (I ‘вол, бык’; II река’) [16, с. 119]. Оно встречается в хакасском языке в обозначении р. Чулым *Ўјс* ‘Чулым’ [17, с. 152], хотя хакасы Томской области, живущие ниже с. Тегульдет, называют ее *Чойім* [17, с. 205].

Наименование *Ўјс* для обозначения р. Чулым встречается в родственном хакасскому среднечулымском диалекте чулымского языка. Так, название Томской региональной общественной

организации чулымских тюрков – Июс кижилер (*јүс кижилер*: Чулым человек-PL), буквально – ‘люди Чулыма’.

Кроме того, в некоторых говорах, родственных хакасскому языку, встречается вариант *ös* ‘река’ (р. Чулым – *ös* в тутальском, *iis/ös* в мелетском говорах чулымского языка), случаи употребления *ös* в данном значении встречаются и в современных турецких диалектах [18].

В исследуемых текстах лексема *ус/јүс* ‘река’ не встретила, наиболее частотная единица для обозначения данного объекта водного ландшафта *суз* (1)–(7).

(1) *Ноо сузга сабылганнар.*

Ноо **суғ-а** сабыл-ган-нар.
какой **река-DAT** передвигаться-?PST-PL
some **river-DAT** move-?PST-PL

‘Подъехали к какой-то реке’ [12, с. 810–811].

Часто лексема ‘река’ употребляется с другими лексемами и создает новые выражения, включая водные (2) и околотовные пространства (3):

(2) *Түүлген суғ*
түүлген **суғ**
спокойная **вода**
calm **water**
‘стоячая вода; пруд’ [12].

(3) *Суз ойымы*
река долина/пойма
river valley
‘долина **реки**; пойма **реки**’ [10].

Употребление *суз* в значении ‘река’ является вторым значением, первое значение *суз* – ‘вода’ как природного происхождения (4), так и переработанная (5).

(4) *Наңмыр суу ағызарға*
наңмыр **суғ** ағызарға
дождь **вода** пускать по течению реки
rain **water** sail the river down
‘набирать дождевой **воды**’ [12].

(5) *Краннаң суз ағызарға*
кран-наң **суғ** ағызарға
кран-ABL **вода** пускать по течению реки
tap-ABL **water** sail the river down
‘наливать **воду** из-под крана’ [12].

Примечательно, что употребление лексемы *суз* в первом значении ‘вода’ и во втором значении ‘река’ сопровождается глаголами, подчеркивающими их близость, что свидетельствует о том, что многозначные слова представляют собой некий континуум, а не дискретную структуру: глагол *ағызарға* ‘пускать по течению реки’ указывает на текучесть, таким образом, значения ‘вода’ и ‘река’ перекликаются.

Кроме того, компонент *суз* является элементом лексемы *чир-суз* ‘земля, родина’. Как словообразовательный элемент *суз* выступает в ряде

лексем с этим значением: *сузлыг* 'имеющий родину' и др. [11, с. 217].

Лексема *суз* часто используется для образования имен собственных, а именно топонимов: *Ким суз* 'р. Енисей' [16; 19], *Азбан суз* 'р. Абакан' [16; 19], *Том суз* (из др.-тюрк. 'холодная река') 'р. Томь' [16, с. 134; 20].

Талай используется, как правило, в фольклорных текстах и обозначает 'величественную, большую реку' (6) и (7).

- (6) *Талайга читкен чирінде*
талай-га читкен чирі-н-де
 big.river-DAT where's earth-EP-LOC
 'Там, где он подступает к великой реке' [8].

- (7) Ханым **талайдың** *хастада*.
 Ханым талай-ды-ң хас-та-да
 Ханым **река-POSS.3.SG-POSS.3**
 берег-LOC-LOC
 Khanym **river-POSS.3.SG-POSS.3**
 bank-LOC-LOC

'На берегу [великой реки] Ханым-**талай**' [14, с. 804–805].

Это значение (6), (7) обозначено в «Хакасско-русском словаре» [12] под вторым номером, а в «Толковом словаре хакасского языка» [13] под номером три. В обоих словарях первым значением *талай* является 'море/морской' (8) – (11).

- (8) *Алтынзархы соох талайлар*
 алтынзархы соох **талай-лар**
 северный холод/холодный **море-Pl**
 northern cold **sea-Pl**
 'северные холодные **моря**' [12, с. 579].

- (9) *Ах талай*
 Ах талай
 белый **море**
 white sea
 'Белое море' [12, с. 579].

- (10) *Ыраххы талай*
 ыраххы **талай**
 далекий **море**
 far sea
 'Далекое **море**' [12, с. 579].

- (11) *Талайча парарга*
талай -ча *парарга*
море -м *идти/передвигаться*
sea going PRS
 'плыть по **морю**' [12, с. 579].

Таким образом, *талай* используется для обозначения крупных водных объектов, начиная от большой реки, моря и заканчивая океаном (12).

- (12) Пустыг тиңіс **талай**
 покрытый.льдом океан **океан**
 icy осеан **осеан**
 'Северный Ледовитый **океан**' [10].

Кроме того, в хакасском языке для понятия 'океан' используется лексема *тиңіс* при образовании топонимов как отдельным словом (13), (14), так и в сочетании с *талай* (12).

- (13) *Алтынзархы пустыг тиңіс*
 северный покрытый.льдом **океан**
 northern icy **осеан**
 'Северный Ледовитый **океан**' [10].

- (14) *Амыр тиңіс*
 тихий **океан**
 pacific **осеан**
 'Тихий **океан**' [11].

Несмотря на то, что в основном для обозначения водных объектов используются лексемы *талай* и *тиңіс*, топоним 'Черное море' образован с помощью *суз*: *Хара суз* [10].

То, что в хакасском языке нет устойчивого выражения для обозначения океанов, а Северный Ледовитый океан в одном и том же «Хакасском словаре онлайн» обозначен двумя разными лексемами (12) и (13), говорит о том, что данный водный объект не является ядерным в хакасской культуре, что соответствует географическому положению – месту проживания данного народа. Хакасия расположена на Саяно-Алтайском нагорье и Хакасско-Минусинской котловине, для которых характерны такие водные объекты, как реки и озера.

В словарях также встречается лексема *агын* со значением 'река' [12, с. 26].

У слова *агын* первое значение 'течение' (15), второе – 'поток' (16) и только третье – 'река'. В исследуемом материале (словарях, героических эпосах и электронном корпусе) данное слово не встретилось в значении 'река', часто данная лексема представлена также в значении 'быстрый' (17).

- (15) *Агыны табырах суз*
агын -ы табырах суғ
stream-POSS quick river
течение-POSS быстрый река
 'река с быстрым **течением**'

- (16) *Агынга кір парды*
агын-ға кір пар-ды
flow-DAT dirt to be/exist-PRF
поток-DAT грязь
 есть/имеется/существует-PRF
 'он попал в поток'

- (17) *сузның чалбағы агын сузлар...*
 суғ-ның чалбак-ы **агын** суғ-лар
 water-ABL *width-3Sg **quick** river-PL
 вода-ABL *ширина-3Sg **быстрый** река-PL
 'полноводные **быстрые** реки...'

Лексема *агын* частотно используется для описания водного ландшафта, например, встречается атрибутивное словосочетание *чылыг агын* 'теп-

лое течение' [10], где она употребляется в качестве вершинного элемента. В качестве зависимого элемента в атрибутивных словосочетаниях, как в примере (17), *агын* применяется в значении 'текущий, проточный': *агын суз* – 'проточная вода' [10]. Данное словосочетание используется также для обозначения водного объекта реки *агын суз* 'река' [12, с. 29].

От основы *агын* образовано прилагательное с продуктивным суффиксом *-нынз*, который придает образованной лексеме значение «имеющий что-либо»: *агыннынз* 'с быстрым течением, стремительный' (о реке), как в примере (18) [12, с. 29]:

- (18) *тайга суу агыннынз*
тайга суз **агын-нынз**
тайга река **течение-ATTR**
taiga river **flow-ATTR**
'таежная река стремительна' [12, с. 29].

Кроме реки характерным водным объектом для хакасского населения являются озера. Согласно «Хакасско-русскому словарю», первым значением лексемы *кӧл* является 'озеро, озерный' (19) [12, с. 197].

- (19) *Ойым кӧл*
Ойым **кӧл**
впадина **озеро**
valley **lake**

'Озеро, образовавшееся на месте впадины' [12, с. 197].

В отличие от нескольких наименований реки (в работе их описано четыре) для озера существует только одна лексема в хакасском языке, а характеристики данного водного объекта описываются атрибутивными конструкциями как в (20) [21], что для реки может выражаться выбором определенной лексемы *суз* 'река' (1) vs. *талай* 'большая река' (6).

- (20) *Тирең кӧл*
тирең **кӧл**
глубокий **озеро**
deer **lake**

'Глубокое озеро' [12, с. 197].

Как упоминалось выше о словарной статье *кӧл* из «Хакасско-русского словаря», данная лексема в препозиции к другому существительному может выступать в качестве атрибута (21) и (22).

- (21) *Кӧл палии*
кӧл пали-и (<*палыҥ-ы)
озеро рыба-3Sg
lake fish-3Sg
'Озерная рыба' [12, с. 197].

- (22) *Кӧл суу*
кӧл суз
озеро вода
lake water
'Озерная вода' [12, с. 197].

В «Хакасско-русском словаре» был обнаружен интересный пример (23), в котором *кӧл* выступает в качестве препозитивного атрибута к существительному *суз* 'река' наряду с другой лексемой *талай* 'большая река' [17, 20, 22].

- (23) *Кӧл талай суз*
кӧл талай суз
озеро большая река вода
lake big river water
'большая река' [12, с. 580].

Возможно, набор таких атрибутов служит для того, чтобы охарактеризовать реку величественной и широкой как озеро.

Следующий элемент водного ландшафта – болото. В «Толковом словаре хакасского языка» [13, с. 52] и в «Хакасско-русском словаре» первое значение лексемы *сас* 'болото' (24) и (25).

- (24) *Тылолыг сас*
Тылолыҥ **сас**
tussock **swamp**
'Кочковатое болото' [12, с. 452].
(25) *Иртчее чох сас*
иртчее чох **сас**
переходить отр.част.не **болото**
going not **swamp**
'Непроходимое болото' [12, с. 452].

В позиции атрибута *сас*, так же как и *кӧл*, выступает в роли определителя и на русский язык переводится прилагательным 'болотистый' (26) [22].

- (26) *Сас чир*
сас чир
болото земля/место
swamp land
'Болотистое место'

Для обозначения болота или болотистой, топкой местности в словарях были выявлены следующие лексемы:

- ылай* 'топь' [11], 'трясина, топь' [12, с. 1038], 'топкое место со стоячей водой; трясина, топь, болото' [12, с. 52];
ылбаң сас 'трясина' [11], 'топкое болото' [12, с. 1038];
ылбаң чир 'топкое место, трясина, болото' [12, с. 1038];
ылайлыг чир 'имеющая болото земля' (букв.) [13, с. 706].

Как очевидно из последних двух лексем, именно прилагательные *ылбаң* топкий, вязкий [12, с. 1038], 'имеющий болото' [13, с. 706, 707], *ылайлыг* 'имеющий болото' [13, с. 706] в сочетании с *чир* 'земля' дают значение 'болото' [20, 22].

Водный ландшафт могут представлять такие водные объекты, как ручьи, что в хакасском языке представлено следующими леммами:

чул ‘ручей, ручеек’, чулат ручеек’ (26) [12, с. 1003]; чул, чулат ‘ручей, ручеек’ [13, с. 673]; чул ‘ручей’, чулат ручеек’ [10], чул ‘ручей’ [11].

Также существуют лексемы с общим корнем *арга*, которые могут обозначать как естественный водный объект *аргачах* ‘ручей, ручеек’ [12, с. 75], [9], так и артефакт, созданный человеком *арга* ‘канал, канава’ [12, с. 101], *аргачах* ‘канавка, небольшая протока’ (27)-(29) [12, с. 75; 10; 22].

(27) *агын* **чулаттар**
агын **чулат** -тар
текучий **ручеек** -PL
flow **stream**-PL
‘текучие **ручейки**’ [10; 12, с. 1003].

(28) *огородха* **аргачах** *чоллирга*
огород -ға **аргачах** *чоллирга*
огород-DAT **канавка** направлять воду
в нужном направлении
garden-DAT **cannelure** *гун*
‘подводить к огороду **канавку**’ [12, с. 75].

(29) *пызолар* **аргачах** *кизіре* *оттапчалар*
пызо -лар **аргачах** *кизіре* *оттапча-лар*
теленка -PL **канавка** через *пастись*-PL
calves -PL **cannelure** over *maw*-PL
‘телята пасутся за канавкой’ [12, с. 75].

К водным объектам можно отнести и лужи, так как иногда они долгое время существуют и являются частью водного ландшафта, их можно рассматривать как временные микроводоемы: *салбых (-гы)* ‘лужа, лужица’ [12, с. 37; 33].

В рамках данного исследования рассматриваются водоемы, созданные человеком, как маленькие: *арга* ‘канал, канава’, *аргачах* ‘канавка, небольшая протока’ (см. выше), так и большие. К таким довольно крупным водным объектам принадлежат *туз/тулгор* ‘плотина; пруд’ [22].

В «Хакасском словаре онлайн» [9] и в «Хакасско-русском словаре» [12, с. 669] при толковании *туз* значения ‘запруда’ и ‘плотина’ не разделяются, а в «Толковом словаре хакасского языка» в качестве первого значения указывается ‘плотина’, а в качестве второго – ‘запруда, пруд’ [13, с. 291–292].

Во всех словарях для слова *тулгор* выделяется два значения, в «Хакасском словаре онлайн» [10] и в «Хакасско-русском словаре» [12, с. 675] первое значение – это ‘плотина’, второе – ‘пруд’ (30), а в «Толковом словаре хакасского языка» наоборот (первое – пруд, второе – плотина) [13, с. 299].

Для понятия *хутух(гы)* в «Хакасском словаре онлайн» [10] и в «Толковом словаре хакасского языка» [13, с. 523] предлагается одно значение ‘колодец’, а в «Хакасско-русском словаре» [12, с. 870], кроме непосредственно первого значения ‘колодец’, предлагается и второе значение ‘омут’.

(30) *тирен* **тулгор**
тирен **тулгор**
глубокий **пруд**
deep **round**
‘глубокий пруд’ [10].

После рассмотрения слов, относящихся к водно-ландшафтной лексике, приступим к построению лексико-семантического поля, для которого был использован структурно-семантический подход. При распределении лексики по зонам поля – ядру, околоядерной зоне, ближней и дальней периферии – учитывалось семантическое значение слова и его структурные характеристики.

Для начала необходимо выделить **ядро**, в котором будет находиться элемент с максимальной концентрацией выделяемых признаков, т. е. выражать обобщающее значение для водных объектов хакасского языка – с одной стороны и быть простыми по структуре – с другой. В хакасском языке единицей, которая выражает общее значение рассматриваемого поля, является *суз*.

Данную лексему можно определить как архисему, так как она выражает общее значение поля водно-ландшафтной лексики, а именно первое ее значение – ‘вода’, а уже второе – ‘река’, что подтверждается этнографическими исследованиями, *суз* ‘вода’, ‘река’ – один из основополагающих элементов картины мира хакасов [9, с. 87]. Таким образом, ядром водно-ландшафтной лексики в хакасском языке является лексема *суз*.

В исследуемых источниках (героические эпосы Ай-Хуучин и Алтын Арыг) именно данная выделенная в настоящей работе архисема является самой частотной: *суз* – 199 случаев употребления, в том числе в сочетании с *талай* (в значении ‘великая/большая река’), *талай суз* – 10 случаев употребления.

К околоядерной зоне относятся постоянные водные объекты, представляющие из себя простые лексемы *ус/үүс* ‘река’, *талай* ‘море; большая река’, *агын* ‘течение; поток; река’, *көл* ‘озеро’, *сас* ‘болото’, *ылай* ‘трясина, топь, болото’. Эти слова являются доминантами, специализированными для обозначения типичных водных объектов [22].

Некоторые из них обладают высокой частотностью, как например, *талай* в значении ‘большая река’: 45 случаев употребления. Другие в исследуемых текстах не встречаются в связи с социально-диалектными факторами (*ус/үүс* – из качинского диалекта, устаревшее). Третьи имеют низкую частотность или не встречаются, поскольку это обусловлено сюжетом эпосов: *көл* – 2 случая употребления; *чул* – 1 случай употребления; *агын* – 0; *сас* – 0; *ылай* – 0.

В зону ближней периферии входят единицы, обозначающие постоянные водные объекты, но

те, которые являются сложными или составными по структуре: *ылбаң сас* 'трясина', 'топкое болото'; *ылбаң чир* 'топкое место, трясина, болото'; *ылайлыг чир* 'имеющая болото земля'.

Дальнюю периферию составляют лексемы, которые выражают значение «временный водный объект» (в том числе созданный человеком): *чул* 'ручей, ручеек', *чулат* 'ручеек'; *салбых (-гы)* 'лужа, лужица'; *аргачах* 'ручей, ручеек', *арга* 'канал, канава', *аргачах* 'канавка, небольшая протока', *туг/тулгор* 'плотина; пруд', *хутух (-гы)* 'колодец; омут'.

Закключение

Теория поля – это психолингвистический подход к изучению лексических сетей и отношений между словами. В рамках этого подхода слова группируются в поля, основанные на семантических отношениях, таких как сходство или контраст. Поле, как правило, имеет определенную структуру, где выделяется ядро, околоядерная зона, ближняя и дальняя периферия. Применение теории поля к изучению водно-ландшафтной лексики позволяет выявить структуру тематической группы, относящейся к водной среде и ландшафту, и исследовать различные аспекты взаимосвязей между словами, которые входят в нее.

Описание водно-ландшафтной лексики хакасского языка ограничивается отдельными публикациями, которые затрагивают вопросы лексического состава и проблемы, связанные с религиозно-мифологическими представлениями народа.

Водно-ландшафтную лексику хакасского языка можно представить в виде хорошо структурированной системы, а именно при помощи лексико-семантического поля. Все элементы поля объединены общим значением – объекты гидро-ландшафта. Ядро поля представляет из себя архисему *суг* 'вода, река', она транслирует общее значение для всех составляющих поля и является самой частотной. Далее элементы в структуре поля распределяются в соответствии с лексическим значением и структурными характеристиками. Околоядерная зона объединяет постоянные водные объекты, которые являются простыми по структуре: *ус/үүс* 'река', *талай* 'море; большая река', *агын* 'течение; поток; река', *көл* 'озеро', *сас* 'болото', *ылай* 'трясина, топь, болото'. К ближней периферии относятся сложные или составные по структуре постоянные водные объекты: *ылбаң сас* 'трясина', 'топкое болото'; *ылбаң чир* 'топкое место, трясина, болото'; *ылайлыг чир* 'имеющая болото земля'. Дальняя периферия – это временные водные объекты, в нее также входят артефакты, созданные человеком: *чул* 'ручей, ручеек', *чулат* 'ручеек'; *салбых (-гы)* 'лужа, лужица'; *аргачах* 'ручей, ручеек', *арга* 'канал, канава', *аргачах* 'канавка, небольшая протока', *туг/тулгор* 'плотина; пруд', *хутух (-гы)* колодец; омут.

В перспективе можно, пользуясь подобной структурой поля, исследовать другие родственные и неродственные языки и проводить сопоставительные исследования.

Список источников

1. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969. С. 5–10.
2. Бондарко А. В. Семантические категории в аспекте сопоставительных исследований // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку / отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наука, 1987. С. 26–37.
3. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996. 229 с.
4. Ракин А. Н. Гидроландшафтная лексика коми-пермяцкого языка // Вестник Марийского государственного университета. 2019. Т. 13, № 2. С. 251–261.
5. Проблемы функциональной грамматики. Семантическая инвариативность/вариативность / отв. ред. А. В. Бондарко, С. А. Шубник. СПб.: Наука, 2003. 398 с.
6. Минина М. Пособие по лексике немецкого языка (для старших курсов институтов и факультетов иностранных языков): учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1973. 142 с.
7. Глаголы движения в воде: лексическая типология / ред. Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина. М.: Индрик, 2007. 752 с.
8. Полякова Н. В. Концепт пространства и средства его репрезентации в селькупском и русском языках. Томск: ТГПУ, 2006. 120 с.
9. Чистобаева Н. С., Лиморенко Ю. В. Раздел 4. Типические места героического эпоса хакасов // Кузьмина Е. Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов): Экспериментальное издание. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 2005. С. 804–1115.
10. Хакасский словарь онлайн: Хакасско-русский словарь, Русско-хакасский словарь. URL: <http://sostik.info> (дата обращения: 04.12.2023).

11. Русско-хакасский школьный словарь. URL: <https://dict.khakbooks.ru> (дата обращения: 15.04.2024).
12. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
13. Толковый словарь хакасского языка = Хакас тіліні чарыдылыы сјстігі. Более 5000 слов. Т. 1: А – П. Абакан: Хакас. кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2020. 608 с.
14. Толковый словарь хакасского языка = Хакас тіліні чарыдылыы сјстігі. Более 7000 слов. Т. 2. С – Я. Абакан: Хакас. кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2023. 736 с.
15. Ракин А. Н. Гидроландшафтная лексика коми языка // Севернорусские говоры. Вып. 17 / отв. ред. Е. В. Пурицкая. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 107–122.
16. Lemska V. Middle Chulym: the state of the art // *Turkic Languages* (14). Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2010. P. 113–126.
17. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края = Толы хоорайдагы чир-суғ аттары. Абакан: Лаборатория этнографии НИС ХГУ им. Катанова, 1995. 278 с.
18. Бурнаков В. А. Вода в традиционном мировоззрении хакасов: образ и символ (конец XIX – середина XX в.) // Народы и религии Евразии. 2019. № 3(20). С. 86–100.
19. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / отв. ред. А. В. Бондарко. 3-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2003. 352 с.
20. Электронный корпус хакасского языка. <https://khakas.altai.ru/corpus/> (дата обращения: 04.12.2023).
21. Чистякова Е. В. Категоризация ландшафтов и оценочный потенциал ландшафтной лексики в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов: Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2015. 24 с.
22. Ильин Д. Ю. Функционально-семантическая характеристика топонимической лексики со значением ‘водное пространство’ в языке региона // Вестник ВолГУ. Серия 2. 2007. Вып. 6. С. 27–31.

References

1. Gulyga E. V., Shendel's E. I. *Grammatiko-leksicheskiye polya v sovremennom nemetskom yazyke* [Grammatical-lexical fields in modern German language]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1969. P. 5–10 (in Russian).
2. Bondarko A. V. Semanticheskiye kategorii v aspekte sopostavite'nykh issledovaniy [Semantic categories in the aspect of comparative studies]. In: Yartseva V. N. (ed.) *Sopostavitel'naya lingvistika i obuchenie nerodnomu yazyku* [Comparative linguistics and teaching a non-native language]. Moscow, Nauka Publ., 1987. P. 26–37 (in Russian).
3. *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Lokativnost'. Bytiynost'. Possessivnost'. Obuslovlennost'* [Functional grammar theory. Locativity. Existence. Possessiveness. Conditionality]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1996. 229 p. (in Russian).
4. Rakin A. N. Gidrolandshaftnaya leksika komi-permyatskogo yazyka [Hydrolandscape vocabulary of the Komi-Permyak language]. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of the Mari State University*, 2019, vol. 13, no. 2, pp. 251–261 (in Russian).
5. Bondarko A. V., Shubnik S. A. (eds.) *Problemy funktsional'noy grammatiki. Semanticheskaya invariativnost'/variativnost'* [Issues of functional grammar. Semantic invariance/variability]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2003. 398 p. (in Russian).
6. Minina M. *Posobiye po leksike nemetskogo yazyka (dlya starshikh kursov institutov i fakul'tetov inostrannykh yazykov): uchebnoye posobiye* [Manual on German language vocabulary (for senior students of institutes and faculties of foreign languages): teaching aid]. Moscow, Vysshaya shkola, 1973. 142 p. (in Russian).
7. Maysak T. A., Rakhilina E. V. (eds.) *Glagoly dvizheniya v vode: leksicheskaya tipologiya* [Verbs of movement in water: lexical typology]. Moscow, Indrik Publ., 2007. 752 p. (in Russian).
8. Polyakova N. V. *Kontsept prostranstva i sredstva ego reprezentatsii v sel'kupskom i russkom yazykakh* [The concept of space and its representation in the Selkup and Russian languages]. Tomsk, TSPU Publ., 2006. 120 p. (in Russian).
9. Chistobaeva N. S., Limorenko Yu. V. Razdel 4. Tipicheskiye mesta geroicheskogo eposa khakasov [Section 4. Typical places of the heroic epic of the Khakas people]. In: Kuz'mina E. N. *Ukazatel' tipicheskikh mest geroicheskogo eposa narodov Sibiri (altaytsev, buryat, tuvintsev, khakasov, shortsev, yakutov): Ehksperimental'noye izdaniye* [Index of typical places of the heroic epic of the peoples of Siberia (Altaians, Buryats, Tuvinians, Khakas, Shors, Yakuts): Experimental edition]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN Publ., 2005. P. 804–1115 (in Russian).
10. *Khakasskiy slovar' onlayn: Khakassko-russkiy slovar', Russko-khakasskiy slovar'* [Khakas Dictionary Online: Khakas-Russian Dictionary, Russian-Khakas Dictionary]. URL: <http://sostik.info> (in Russian) (accessed 04 December 2023).
11. *Russko-khakasskiy shkol'nyy slovar'* [Russian-Khakas school dictionary] (in Russian). URL: dict.khakbooks.ru (accessed 15 April 2024).

12. *Khakassko-russkiy slovar'* = *Khakas-orys söstik* [Khakass-Russian dictionary]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2006. 1114 p. (in Russian).
13. *Tolkovyy slovar' khakasskogo yazyka* = *Khakas tiliniy charydyulyu sjstigi. Bolee 5000 slov. Tom I* [Explanatory dictionary of the Khakas language = Khakas language vocabulary. Over 5000 words. Vol. 1]. A – P. Abakan, Khakasskoe knizhnoye izdatel'stvo imeni V. M. Torosova Publ., 2020. 608 p. (in Russian).
14. *Tolkovyy slovar' khakasskogo yazyka* = *Khakas tiliniy charydyulyu sjstigi. Bolee 7000 slov. Tom II* [Explanatory dictionary of the Khakas language = Khakas language vocabulary. Over 7000 words. Vol. 2]. S – Ya. Abakan, Khakasskoye knizhnoye izdatel'stvo imeni V. M. Torosova Publ., 2023. 736 p. (in Russian).
15. Rakin A. N. *Gidrolandshaftnaya leksika komi yazyka* [Hydrolandscape vocabulary of the Komi language]. In: Puritskaya E. V. (ed.) *Severnorusskiye govory* [Northern Russian dialects]. Vol. 17. Saint Petersburg, ILI RAN Publ., 2018. P. 107–122 (in Russian).
16. Lemskaya V. Middle Chulym: the state of the art. In: *Turkic Languages* (14). Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2010. P. 113–126.
17. *Toponimicheskiy slovar' Khakassko-Minusinskogo kraia* = *Toly khoodajazy chir-suz attary* [Toponymic dictionary of the Khakass-Minusinsk region]. Abakan, Laboratoriya etnografii NIS KHGU im. Katanova Publ., 1995. 278 p. (in Russian).
18. Burnakov V. A. Voda v traditsionnom mirovozzrenii khakasov: obraz i simvol (konets XIX – seredina XX v.) [Water in the traditional worldview of the Khakas: image and symbol (end of the 19th – mid-20th century)]. *Narody i religii Evrazii – Nations and Religions of Urasia*, 2019, no. 3(20), pp. 86–100 (in Russian).
19. *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Vvedeniye. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis* [Functional Grammar Theory: Introduction. Aspectuality. Temporal Localization. Taksis]. Ed. A. V. Bondarko. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003. 352 p. (in Russian).
20. *Elektronnyy korpus khakasskogo yazyka* [The electronic corpus of the Khakas language] (in Russian). URL: <https://khakas.altai.ru/corpus> (accessed 04 December 2023).
21. Chistyakova E. V. *Kategorizatsiya landshaftov i otsenochnyy potentsial landshaftnoy leksiki v sovremennom angliyskom yazyke. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Landscape categorization and evaluation of landscape vocabulary potential in modern English language. Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Tambov, 2015. 24 p. (in Russian).
22. Il'in D. Yu. Funktsional'no-semanticheskaya kharakteristika toponimicheskoy leksiki so znacheniem 'vodnoye prostranstvo' v yazyke regiona [Functional-semantic characteristics of toponymic vocabulary with the meaning 'water space' in the language of the region]. *Vestnik VolGU – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2007, no. 6, pp. 27–31 (in Russian).

Информация об авторе

Фархади Е. А., аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, г. Томск, Россия, 634061).

E-mail: kate.galp@mail.ru

Information about the author

Farkhadi E. A., postgraduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: kate.galp@mail.ru

Статья поступила в редакцию 21.06.2024; принята к публикации 01.10.2024

The article was submitted 21.06.2024; accepted for publication 01.10.2024